

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. Ф. Карабановымъ.

VII *).

Царствованіе Екатерины II.

(продолженіе).

124.

Генераль-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и сенаторъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ заспорили во время присутствія въ сенатѣ. Вяземскій сказалъ: „Вы забыли, что я, по изреченію Петра Великаго, око государево“.—Нѣтъ, отвѣчалъ Панинъ: бѣльмо государево.

125.

Александръ Петровичъ Сумароковъ, имѣя тяжebное дѣло съ генераль-маіоромъ Чертовымъ, въ письмахъ къ нему подписывался: „Александръ Сумароковъ слуга Божій, а чертовымъ быть не можетъ“.

126.

Безпримѣрный въ щедрости своей, князь Николай Васильевичъ Репнинъ въ Варшавѣ имѣлъ при себѣ легационсъ-секретаря Якова Ивановича Булгакова**), которому и доставилъ возможность самому быть посланникомъ въ Царѣградѣ.

*) См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680.

**) Род. 15 окт. 1743, ум. 7 іюля 1809, дѣйствит. тайнымъ совѣтн. и св. Александра Невскаго кавалеромъ.

Когда князь собирался отъѣхать къ арміи, замѣтилъ Булгакова въ задумчивости и не могъ исторгнуть признанія; онъ приказалъ жиду по всѣмъ маклерскимъ книгамъ тихо справиться о долгахъ своего секретаря, выкупилъ векселей его на 11 т. червонныхъ и препроводилъ ихъ при запискѣ подобнаго содержанія: „Долго занимался я, другъ мой, изысканіемъ настоящей причины твоей задумчивости; ежели отгадалъ, то буду очень радъ и утѣшенъ, но требую отъ тебя храненія тайны, да и завтра при свиданіи со мной не изъясняться“.

127.

Юрій Алексѣевичъ Николевъ, бывъ съ тверскимъ ген.-губернаторомъ Архаровымъ *) на отъѣздѣ полѣ съ охотою подъ Старицей, вздумалъ забавляться ружьемъ, и не понимая оное заряженнымъ, въ волоковое крестьянское окно нѣсколько разъ прицѣмлялся въ Архарова, и ружье осѣкалось; наконецъ Николай Петровичъ Архаровъ, взявши рукою за стволъ, отвелъ отъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ, причинившій ужасъ, но безъ вреда. Николевъ упадаетъ безъ чувствъ и не внемлетъ гласу благодарственнаго молебень.

128.

Николай Петровичъ Архаровъ, бывъ московскимъ губернаторомъ, сказалъ въ разговорахъ преосвященному Платону, что онъ „Большой попъ“.

— „Конечно, отвѣчалъ владыко, я главный попъ или пастыръ, а ты—крупная овца“.

(Отъ Архарова).

129.

Извѣстный Дидеротъ, бывъ въ Петербургѣ, имѣлъ съ Платономъ, тогдашнимъ учителемъ Наслѣдника, разговоръ о вѣрованіи и пачать опровергать бытіе Бога. Нашъ первосвященникъ замкнулъ его уста, сказавши по-латыни: „и рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: вѣсть Богъ“.

130.

Когда преосвященный Платонъ путешествовалъ въ Кіевъ, тамошній митрополитъ Серапіонъ приказалъ ученому протоіерею Левандѣ изготовить привѣтствіе, который и сказалъ: „привѣтствую тебя, владыко, тѣмъ, что такового архіерея намъ подобаетъ имѣти“.

*) Николай Петровичъ Архаровъ, генералъ-отъ-инфантеріи, род. 1742 г. 6 янв. 1814 г.

131.

Князь Николай Васильевич Репнинъ, съ наслѣдствомъ послѣ князя Петра Ивановича Репнина же *), получилъ право на важный процессъ изъ 3 т. душъ съ князьями Лобановыми, въ пользу его оконченный; изъ арміи прислалъ довѣренность: „родовое имѣніе принять во владѣніе, а тяжбное—возвратить Лобановымъ“. Рѣдкое великодушіе!

132.

Марья Павловна Нарышкина **), супруга оберъ-егермейстера, съ отличіемъ принятая у двора и никогда не встрѣчавшаяся съ противорѣчіемъ, просила графа Разумовскаго, какъ подполковника измайловскаго полка, кому-то дать чинъ унтеръ-офицера. Фельдмаршалъ отозвался, что правившій полкомъ младшій подполковникъ Александръ Ильичъ Бибиковъ ***) скорѣе можетъ исполнить и обѣщаль снестись съ нимъ. Бибиковъ, въ угодность жены, рожденной княжны Козловской, по заочности отъ Нарышкиной названной „шлюхой“, медлил исполненіемъ... Въ придворномъ театрѣ онъ вошелъ въ ложу къ графинѣ Брюсовой, сидѣвшей съ Нарышкиной; началось съ досадой объясненіе, относящееся къ Брюсовой, съ прибавкой русской поговорки: „царь жалуется, да псарь не жалуется“. Александръ Ильичъ отвѣчалъ: „у этого псаля много такихъ сукъ на сворѣ бывало“.

133.

За обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ, Екатерина, привѣтствуя кн. Сергѣя Федоровича Голицына ****), сидящаго подлѣ нея, сказала, что прошедшую ночь она провела спокойно, имѣя достойнаго капитана на караулѣ; кн. Голицынъ вставши благодарилъ за сына и за себя. Суворовъ, сидя по другую сторону императрицы, сказалъ: „Для чего ты не прислалъ котораго-нибудь изъ сыновей

*) Умеръ 1778, двоюродный братъ князя Николая Васильевича. Отецъ князя Петра Ивановича былъ женатъ на княжнѣ Марѣ Яковлевнѣ Лобановой, родной теткѣ кн. Ивана Ивановича Лобанова (род. 1731, ум. 1791), объ которомъ здѣсь говорится; поэтому князь Петръ Ивановичъ Репнинъ былъ двоюроднымъ братомъ и князя Лобанова.

**) Марья Павловна Нарышкина, рожденная Балкъ-Полева (род. 1730, ум. 28 мая 1793) супруга оберъ-егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина (род. 5 апр. 1710, ум. въ Москвѣ 27 ноября 1775).

***) Род. 30 мая 1729, ум. 9 апр. 1774.

****) Род. 20 янв. 1748, ум. 20 янв. 1810. Женатъ былъ на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардт (род. 12 марта 1757, ум. 2 мая 1815), племянницѣ князя Потемкина. У нихъ было десять сыновей.

подъ Варшаву за Георгіемъ крестомъ, и указывая на многихъ придворныхъ, бывшихъ при взятіи тамошнихъ укрѣпленій, въ томъ числѣ на князя Ивана Иван. Барятинскаго, похвалявшихъ своими подвигами, заключилъ: „они даромъ получили“.

134.

Суворовъ позванъ былъ въ кабинетъ къ цесаревичу Павлу Петровичу, и войдя началъ проказничать. Великій князь остановилъ его: „Безъ этого мы понимаемъ другъ друга“... Суворовъ въ разговорахъ удивилъ остроуміемъ, а выходя побѣжалъ въ припрыжку и запѣлъ: „Prince adorable, despote implacable“. Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, встрѣтясь съ нимъ, пересказалъ Наслѣднику, который сіе принялъ равнодушно.

(Отъ кн. Ивана Михайловича Ухтомскаго, слышавшаго сіе отъ великаго князя).

135.

При Екатеринѣ между военнослужащими вошло въ обычай ходить съ палками. Сіе не понравилось Суворову, и онъ отдалъ въ приказъ, чтобы младшій къ старшему не смѣлъ являться съ палкою, а самъ никогда не имѣлъ оной въ рукахъ; слѣдовательно употребленіе палокъ вскорѣ прекратилось. Между тѣмъ, увидя хромящаго съ палкою П. П. Турчанинова, Суворовъ сказалъ: „Помилуй Богъ, ты всѣхъ насъ старѣ!“

136.

Великій князь Павелъ Петровичъ, пріѣхавъ въ Вознесенскій монастырь, когда онымъ управлялъ жившій на обѣщанія преосвященный Сильвестръ (рѣдкій химикъ), былъ встрѣченъ въ св. вратахъ, и замѣтя звукъ разбитаго волокола, сказалъ архіерею: „Что вы не доносите матушкѣ?“—„Онъ самъ просилъ за себя императрицу, при посѣщеніи обители, отвѣчалъ Сильвестръ; виновать ли я, что она не услышала его голоса, который громче моего“.

(Отъ графа А. И. Мусина-Пушкина).

137.

Стихотворецъ Василій Ивановичъ Майковъ, представленный Екатеринѣ II, заикнувшись началъ повторять всегдашнее свое изреченіе: „какъ сказать“. Князь Орловъ остановилъ его: „Скажи какъ-нибудь, государынѣ все равно“.

138.

Графъ Безбородко просилъ у Екатерины II позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей петербургской дачѣ. Государыня удивилась сей мысли, потому что онъ не служилъ въ арміи, но не отказала. Вскорѣ лейбъ-медикъ Рожерсонъ, играя въ вистъ, по привычкѣ началъ дѣлать ренонсы, а графъ приказалъ каждый разъ возвѣщать пушками. Сія шутка раздражила вспыльчиваго медика, и едва не дошло до драки.

139.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ чрезъ долгое время увидя своего сослуживца, нечиновнаго человѣка, спросилъ: „Таковымъ ли мерзавцемъ ты видишь меня, каковымъ я тебя нахожу?“—И вы.... поста-рѣли, отвѣтствовано.

140.

Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, по обстоятельствамъ находился отдаленнымъ отъ супруги своей, графини Екатерины Михайловны *), которая, бывъ примѣромъ постоянства, знала его невѣрность. По случаю какого-то праздника, она посылаетъ ему многіе подарки чрезъ адъютанта Нейгардта, тутъ же для его камердинеровъ и нѣсколько кусковъ на платье его любезной. Задунайскій, тронутый до слезъ, сказалъ о супругѣ: „Она человѣкъ придворный, а я—солдатъ; ну право, батюшки, если бы зналъ ея любовника, послалъ бы ему подарки“.

141.

Княгиня Анна Андреевна Урусова **) рассказывала Настасьѣ Михайловнѣ Салтыковой ***) , что дочь ея приучена спать въ холодной комнатѣ, и что для очищенія воздуха ставится ведро съ водою. Острая Салтыкова отвѣчала: „Хорошо что одна дочь; а какъ насъ было двѣнадцать, если бы для каждой по ведру, былъ бы погребъ“.

*) Род. княжна Голицына, род. 1725 г., вступила въ бракъ съ гр. Румянцевымъ 1748 г., ум. 22 авг. 1779.

**) Княгиня Анна Андреевна Урусова, рожден. Волкова, была супругою генераль-маіора князя Александра Васильевича Урусова. Въ 1-мъ бракѣ была за генераль-аншефомъ Николаемъ Ерофѣевичемъ Муравьевымъ. Ея единственная дочь отъ 2-го брака, княжна Софія Александровна (род. 1779, ум. 1801) была за гофмаршаломъ, барономъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ (род. 1771, ум. 1815); отъ этого брака не было дѣтей.

***) Анастасія Михайловна Салтыкова, дѣвица, дочь сенатора и камеръ-коллегии президента Михаила Михайловича Салтыкова и супруги его, рожденной баронессы Шафировой.

142.

Василій Петровичъ Салтыковъ *), по назначавшейся мятежниками его предку коронѣ во время междуцарствія, часто величался правомъ на русскій престолъ. Однажды сказалъ Настасья Михайловна Салтыковой: „Намъ, сестрица, можно имѣть карету съ короною“. — „У меня братъ (Борисъ Михайловичъ **) въ Сибири, а мнѣ ѣхать не хочется“, отвѣчала она.

143.

Екатерина II въ послѣдній прїѣздъ въ Москву посѣтила графа Орлова-Чесменскаго и сказала: „долго ли тебѣ жить въ такомъ домѣ?“ Хозяинъ отвѣчалъ: „Изволишь знать, матушка, русскую половицу— не красна изба углами, а красна пирогами; у меня же ихъ много по твоей милости“.

144.

Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій не любилъ графа Захара Григорьевича Чернышева, но узнавши его невинную отставку и чтобъ избавить его отъ притѣсненія кредиторовъ, послалъ съ эстафетомъ довѣренность продать и заложить все свое имѣніе, если будетъ потребно. Необыкновенные люди забываютъ личности!

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Василій Петровичъ Салтыковъ, дѣйств. тайн. совѣтн., ум. 18 апр. 1807 г. Жена его, княжна Евдокія Михайловна Бѣлосельская. Родство его съ Анастасією Михайловною было довольно дальное: отцы ихъ были троюродными братьями.

**) Неизвѣстно, за что Борисъ Михайловичъ Салтыковъ былъ сосланъ въ Сибирь. Изъ переписки императрицы Екатерины II съ московскимъ градоначальникомъ, княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ, видно только, что вообще братья Настасьи Михайловны были люди безпокойные и неблагонадежные; такъ Александръ Михайловичъ Салтыковъ истратилъ изъ академическихъ суммъ 9,000 руб., и долги эти внесены были княгиней Бѣлосельскою, рожд. Наумовою, а Алексѣй Михайловичъ съ мѣсяцъ просидѣлъ въ петропавловской крѣпости. Что же касается до Бориса Михайловича, то государыня пишетъ, что «онъ нигдѣ не уживается».

О семействѣ Салтыковыхъ, Наумовъ и кн. Бѣлосельской упоминаетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ (XVII часть, письма 172, 173 и 174). У кн. Бѣлосельской княземъ Сергіемъ Васильевичемъ Гагаринымъ, для имп. Екатерины II, куплена была волость Кіясовская, куда А. Т. Болотовъ опредѣленъ управителемъ. (См. «Рус. Ст.» изд. 1872 г. прилож. къ т. V).

Катанье дѣвицъ Смольнаго монастыря.

1802 г.

Ордеръ г. капитанъ-лейтенанту де-Ливрону. Завтрешній день имѣеть быть поѣздка благородныхъ воспитанницъ въ Академію художествъ. Почему рекомендую вамъ быть завтре утромъ въ 8 часовъ, въ Адмиралтейство къ дежурному совѣтнику, отъ котораго принявъ собранныя на сей случай катера и шлюпки, отправитесь со оными къ Смолиному монастырю, гдѣ явится къ госпожѣ начальницѣ фонъ Адлербергъ. Когда же благородныя воспитанницы вступятъ на суда, препроводить ихъ на оныхъ до Академіи и обратно ежели приказано будетъ, со всею должною исправностію. Адмиралъ Балкъ.

18-го іюля 1802 года.

Сообщ. К. Ф. Де-Ливронъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИБИНЪ.

II *).

(буквально).

Любезныя дети мои, Семень, Павелъ и Дмитрей Ивановичи,—желаю вамъ отъ Бога всякихъ благъ всемъ веку и въ будущемъ. Предсимъ писалъ я къ вамъ подробно о кончинѣ покойницы вашей матери, а симъ еще дополняю; хотя я, слава Богу, лежкою въ постеле нележу, но чувствую въ здоровье великую перемену, ибо разкаяние въ томъ что я неоставилъ покойную разрешится отъ бремени въ Петербургѣ,—чрезъ что непретерпела бы она тяжелымъ бременемъ въ дороге весьма много безпокоиства, а могла бы приехать по разрешеніи и выздоровленіи, чего бы и мне дождался было можно, что такъ скоро ехать и меня никто непринуждалъ; къ тому же, и лекарство, даваемое мною по предписанію лекаря, духъ мой весьма тревожить, таковыя воображеніи и жалкость детей, находящихся въ глазахъ и заочныхъ, внутренность мою поражаютъ разными чувствіями боли; и если отъ сего, а паче по власти Божіей, воспоследуетъ и мне конецъ жизни, въ такомъ случаѣ (меня), какъ дети отца, по силе вашей помните, равно какъ и мать вашу, и просите Бога о отпущеніи греховъ нашихъ, а какъ останесся ты, Семень Ивановичъ, изво всехъ детей моихъ старшимъ братомъ, завещаю тебе о сестрахъ и братьяхъ, прося Бога въ помощь имѣть какъ отцу всевозможное къ воспитанію и благополучію ихъ ста-

*) См. «Русскую Старину» изд. 1372 г.. т. V, стр. 583.

ранне, а особливо почитать братьевъ не такъ какъ рожденныхъ отъ другой матери, а такъ какъ единокровны, согласно тому, какъ и она имела старание воспитывать всехъ васъ равно, какъ своихъ детей родныхъ, за что тебя Богъ самаго неоставитъ. А къ тому довольно тебе известно, что сколько милосердія государь императоръ, обращая жалованья и пенсии за службу мужей женамъ и ихъ дѣтямъ, каковыхъ образцовъ есть довольно, то и ты можешь употребить такого роду прозбу для ближнихъ и родныхъ своихъ сиротъ, неимеющихъ помощи, преса къ тому пособия отъ моихъ благодетелей, а имянно Николая Сергеевича и Николая Николаевича, и другихъ, если кого разсудишь; о лекаре же, писанномъ предъ симъ въ письме, еще подѣтверждаю, чтобъ его не подозрѣвать и никакъ непорочить, а темъ болѣе неврѣдять души покойныя, колми паче ежели ево и ошибки притомъ небыло, что многія утверждають, да и сказывать о семъ другимъ уже оставь, а храни сие единственно для своего сведенія; при всемъ томъ завещаю вамъ дети иметь въ сердцахъ вашихъ страхъ Божій, читать книги священнаго писанія, старатся на всякия добродетельныя дела, молится Богу съ чистосердечіемъ, прилежно, слагая персты такъ какъ я самъ и предки наши; въ прочемъ, давно я желаю жить тебѣ Семенъ Ивановичъ въ законномъ супружествѣ, чемъ ты зделаешь мне немалое удовлетворение, а особливо при нынешнихъ абъстоятельствахъ, приискавъ подостовернее соотвѣтственно нашему роду себе партию, стараясь притомъ въ выборѣ не отщетенныхъ выгодахъ богатства, а о душевныхъ невесты своея дарованіяхъ, на что тебе и решится даю Божие благословеніе; когда я буду въ живыхъ, то о намереніи того меня предуведомь, можетъ быть Богъ приведетъ и опять меня съ вами быть въ месте здѣсь или въ Петербургѣ; во всемъ вышписанномъ предаю васъ сохранение всевидящаго Творца нашего и Бога, въ чемъ и остаюсь отецъ вашъ Иванъ Кулибинъ.

Сие письмо пишу я къ вамъ дети толко для вышереченнаго смертнаго случая, почему и должны вы иметь его до того время въ своей тайне, а за меня молитесь, чтобъ помогъ мне Богъ перенести такое нечаянное приключеніе и избавилъ отъ непрестаннаго унынія, тоски и печали.

Сообщ. И. Э. Горбуновъ.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

† 1842.

Замѣтка.

Въ шестомъ томѣ „Исторіи царствованія Александра I-го“, М. И. Богдановича, на страницѣ 427, въ изложеніи фактовъ, относящихся къ исторіи тогдашнихъ тайныхъ обществъ въ Россіи, къ крайнему прискорбію семейства и друзей покойнаго Михаила Ѳедоровича Орлова, между прочимъ, напечатано:

„На совѣщаніяхъ уполномоченныхъ въ Москвѣ, большею частію происходившихъ у Фонъ-Визина, съ перваго же раза возникло разногласіе. Орловъ, тогда уже помолвленный на дочери генерала Раевского, желая во что бы ни стало выйдти изъ тайнаго общества, привезъ письменныя условія, на которыхъ соглашался оставаться въ немъ. Въ этой бумагѣ онъ предлагалъ прибѣгнуть къ весьма преступнымъ средствамъ: завести типографію или литографію для печатанія статей противъ правительства и фабрику фальшивыхъ ассигнацій, что, по словамъ его, доставило бы обществу огромныя средства и послужило бы къ подрыву правительственнаго кредита. Такія предложенія изумили членовъ, которые отвѣчали Орлову, что вѣроятно онъ шутитъ, внося на ихъ обсужденіе столь неистовыя мѣры. Этого и нужно было Орлову, который тотчасъ воспользовался предлогомъ разорвать сношеніе съ тайнымъ обществомъ и объявилъ, что оставляетъ его. Примѣру его послѣдовали: Глинка, князь Илья Долгоруковъ и другіе“.

Въ этомъ возмутительномъ разказѣ, который впервые появился въ запискахъ, приписываемыхъ декабристу Якушкину, все, кромѣ факта, что М. Ѳ. Орловъ былъ помолвленъ на дочери Н. Н. Раевского, и что онъ присутствовалъ на московскомъ сѣздѣ членовъ Союза Благоденствія, состоявшемся въ началѣ 1821 года, съ цѣлю прервать съ нимъ всякое общеніе, — въ этомъ анекдотѣ, все прочее

вымышлено. Какъ сынъ покойнаго, я считаю священнымъ долгомъ возстановить истину въ ея настоящемъ свѣтѣ, и смѣло надѣюсь, что уважаемый историкъ славной Александровской эпохи не откажетъ мнѣ, и вообще роднымъ и почитателямъ честной памяти М. Ѡ. Орлова, въ своемъ для этого содѣйствіи. Если бы рассказъ, насъ смущающій, какъ и многіе другіе, остался зарытымъ въ брошюркѣ, напечатанной заграницей подъ именемъ Якушкина, я можетъ быть и не отвѣчалъ бы на него иначе какъ молчаніемъ. Но, являясь на страницахъ изданія (по праву, предоставленному сочинителю пользоваться источниками и документами, до сихъ поръ недоступными для частныхъ лицъ), не лишеннаго въ глазахъ читателя нѣкотораго оффиціального характера, и за почтеннымъ подписомъ г. Богдановича, молчаніе съ нашей стороны было бы преступно.

М. Ѡ. Орловъ не оставилъ послѣ себя записокъ, кромѣ извѣстнаго отрывка „О капитуляціи Парижа“. Преждевременная кончина его, послѣдовавшая въ 1842 году, не дозволила ему передать мнѣ подробности событій первой половины его жизни. Но нѣкоторые эпизоды онъ мнѣ сообщилъ изустно, а въ томъ числѣ, къ счастью, и эпизодъ, относящійся къ московскому съѣзду. Чѣмъ ограниченнѣе было число его рассказовъ, тѣмъ сильнѣе врѣзались они мнѣ въ память, и я передамъ здѣсь что знаю, со всей неизысканностію и искренностію первобытнаго повѣствованія.

Батюшка никогда не считалъ себя членомъ такъ-называемаго „Южнаго или Тульчинскаго общества“, и его развѣтлений, начало коего онъ относилъ къ 20-му году, какъ равно и тѣхъ кружковъ, которые, подъ общимъ названіемъ Сѣвернаго Общества, произвели на вѣки печальный взрывъ 14 декабря, на столь долгое время остановившій нормальное развитіе нашего общественнаго сознанія. Еще менѣе былъ онъ въ соприкосновеніи съ сими послѣдними, такъ какъ съ 1817-го года, вслѣдствіе размолвки съ гр. Аракчеевымъ, по поводу тогдашнихъ польскихъ дѣлъ (онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ карамзинскаго возрѣнія), онъ впалъ въ относительную немилость, былъ удаленъ отъ службы при особѣ государя, и назначенъ начальникомъ штаба 4-го корпуса въ Кіевѣ.

Вмѣстѣ съ Н. И. Тургеневымъ, батюшка былъ однимъ изъ основателей Союза Благоденствія, de facto уже не существовавшаго въ концѣ второго десятилѣтія нашего вѣка, и котораго оффиціальное (если можно такъ выразиться) уничтоженіе возвѣщено было на съѣздѣ въ январѣ 1821 года.

Основная мысль, и вмѣстѣ *primum desiderium*, основателей и молодежи, образовавшей Союзъ Благоденствія, было прекращеніе крѣпостной за-

вѣсѣности крестьянъ (а слѣдовательно и прочихъ сословій, въ переносномъ значеніи слова). Они справедливо и горячо вѣрили, что лишь уничтоженіемъ крѣпостного быта могло быть положено основаніе и созданъ залогъ всякаго правильнаго развитія и преуспѣянія отечества какъ на пути „прямого просвѣщенія“, такъ и въ области гражданской; постепенная морализація сословій, развитіе здравыхъ экономическихъ понятій въ обществѣ и грамотности въ народѣ (ланкастерскія школы), раздача наградъ и премій за честную и безкорыстную службу, и для всего этого, созданіе капиталовъ съ помощію членскихъ взносовъ, и тому подобное, — составляли программу дѣйствій Союза.

Задача моя не въ томъ, чтобы отвѣстись критически къ тому, что въ этой программѣ можетъ казаться замечательнымъ нѣкоторою непрактичностью или идеализмомъ, въ виду тогдашняго уровня общественнаго развитія въ Россіи. *Nul n'est prophète en son pays!* Этой аксіомѣ можетъ быть и слѣдуетъ приписать, что Союзъ съ самаго начала не составилъ плотнаго цѣлага, не выказалъ ни единства, ни послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, и не достигъ никакихъ положительныхъ результатовъ, какъ ихъ почти не достигло и само правительство Александра I-го, за первыя двѣ трети его царствованія, какъ извѣстно, выказавшее столько мечтательной идеальности стремленій. Мнѣ достаточно заявить, что этой программѣ своей молодости отецъ мой остался вѣренъ всю жизнь, и служилъ ей гдѣ и какъ могъ: и на службѣ, и въ изгнаніи, и въ опальномъ своемъ бытѣ въ Москвѣ.

Спервоначала Союзъ распался на кружки, кажется весьма многочисленныя и многообразныя по своему нравственному достоинству, общая связь коихъ между собою была особенно слаба. Дѣятельность ихъ выразилась преимущественно въ словахъ, и во многихъ случаяхъ члены договаривались далеко за предѣлы полезнаго и даже невиннаго. Основной кружокъ (или дума, какъ говаривали) скоро распозлся по разнымъ отраслямъ службы и занятій каждаго члена, и Союзъ сохранилъ существованіе едва лишь не нарицагельное. Вскорѣ батюшка изъ Петербурга переведенъ былъ на службу на югъ (въ 1817 году) и тамъ нашель отрасли Союза въ томъ же разрозненномъ положеніи. Въ формальное общеніе съ ними онъ не входилъ, но обладая значительнымъ авторитетомъ и обаяніемъ надъ умами, вообще пользуясь довѣріемъ многихъ, конечно зналъ болѣе или менѣе, что говорилось и думалось вокругъ него.

Приливъ новыхъ мечтаній, понятій, организаціонныхъ данныхъ, совпавшій съ возвращеніемъ воронцовской арміи изъ-за границы, и раздражительное вліяніе наступившей аракеевской реакціи, довели многихъ до горячечнаго состоянія. Освобожденіе крестьянъ, какъ

основаніе и ближайшая цѣль общаго дѣла, отступило на задній планъ; рѣчи, предложенія, планы, — стали смѣлѣе, необузданнѣе. Писались уставы, сочинялись конституціи; нервическіе темпераменты договорились окончательно до преступнаго. Раздумье, уже давно зародившееся въ батюшкѣ, наконецъ имъ овладѣло, и онъ ждалъ лишь удобнаго случая, чтобъ прервать съ измѣнившимися приверженцами Союза Благоденствія всякое общеніе. Съ этой цѣлью можетъ быть началъ онъ тогда же хлопотать о назначеніи себя начальникомъ дивизіи въ корпусѣ ген. Сабанѣева. Но между несчастными, предопредѣленными жертвами событій 1825-го года, были у него друзья, были люди имъ высокоцѣнимые; ему не хотѣлось безповоротно разорвать старыя связи, не попытавшись спасти хоть нѣкоторыхъ отъ ожидавшей ихъ участи; онъ надѣялся, можетъ быть, остановить потокъ страстей и увлеченій, взрывъ коихъ, по его убѣжденію, не могъ не отозваться пагубно на общемъ ходѣ дѣлъ. — Онъ медлилъ.

Въ концѣ 1820-го года онъ задумалъ жениться на дочери своего высокочтимаго начальника Н. Н. Раевского. Николай Николаевичъ былъ человѣкъ закъла чисто римскаго, ума высокаго и еще болѣе возвышеннаго сердца (прочтите глубоко прочувствованный некрологъ его въ „Инвалидѣ“ 1829 года, написанный Ден. Вас. Давыдовымъ). Имя его, осѣненное „вѣчной памятью двѣнадцатаго года“, упоминалось Наполеономъ въ числѣ именъ самыхъ достойныхъ противниковъ; по положенію имъ занимаемому и нравственному его значенію, онъ числился въ ряду наиболѣе чтимыхъ государственныхъ дѣятелей Россіи. Его обожали войска, друзья и приближенные; его мнѣнія и совѣты принимались съ покорностью даже недругами; объ немъ сложились, и еще живы, легендарныя преданія. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе подобнаго человѣка не могло не утвердить М. Ѳ. Орлова въ его намѣреніи, и батюшка, не будучи еще женихомъ, но уже готовясь сдѣлать предложеніе, поѣхалъ на съѣздъ членовъ отживающаго свой вѣкъ Союза Благоденствія, который и состоялся въ началѣ января 1821 г., въ Москвѣ, на Петровкѣ, въ домѣ однофамилицы его будущаго тестя, какой-то г-жи Раевской.

На съѣздѣ батюшка занялъ предсѣдательское мѣсто, отъ котораго отказался Н. И. Тургеневъ, вовсе даже не бывший въ первый день въ числѣ присутствующихъ. На этомъ фактѣ: что отецъ былъ предсѣдателемъ, и что Тургеневъ не присутствовалъ, я особенно настаиваю, такъ какъ я его именно слышалъ неоднократно отъ отца. Якушкинъ же о семъ умалчиваетъ, и даже говоритъ противное, и вообще рассказываетъ о съѣздѣ, какъ о какомъ-то частномъ совѣщаніи, или просто разговорѣ девяти лицъ на квартирѣ одного изъ участниковъ.

Торжественность и обрядность, не забудемъ, были въ обычаяхъ масонизма и вообще тайныхъ обществъ того времени. Съѣздъ уполномоченныхъ и членовъ Союза, о которомъ я всегда слышалъ какъ о довольно многочисленномъ, естественно не могъ обойтись безъ нѣкоторой обрядности и постановки.

Засѣданіе было довольно бурное. Послѣ двухъ или трехъ запальчивыхъ заявленій со стороны нѣкоторыхъ членовъ, батюшка выразилъ свои задушевные убѣжденія; объявилъ, что направленіе, выразившееся въ засѣданіи, и неоднократно внѣ онаго, ставитъ его въ необходимость протестовать претивъ него; что оно совершенно извращаетъ цѣль и свойства Союза; что подобныя увлеченія положительно опасны для отечества, и могутъ завтра же cadaго довести до преступленія: что посему онъ, какъ членъ Союза, объявляетъ, что не можетъ слѣдовать по этому пути, отказывается отъ званія члена, и какъ одинъ изъ основателей Союза и предсѣдатель собранія, распускаетъ оное, убѣдительно совѣтуя всѣмъ, коимъ дорого отечество и общее благо, послѣдовать его примѣру.

Его послушались многіе: Бурцевъ, кн. Долгорукій, одинъ изъ фонъ-Визинныхъ, О. Н. Глинка и другіе.

Впослѣдствіи я слышалъ отъ многихъ, даже отъ лицъ официально знакомыхъ съ дѣломъ, что мнѣніе батюшки было тогда же облечено въ форму письма, разошлось въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и доставило многимъ ту точку нравственной опоры, которая имъ была необходима, чтобы разорвать ихъ связи съ тайными обществами.

Что было послѣ удаленія батюшки, мнѣ мало извѣстно. Союзъ Благоденствія упразднился. Изъ обломковъ его образовались такъ-называемыя общества Южное и Сѣверное, и дѣятельность тайныхъ обществъ перешла на правтическую почву заговора.

О заключеніи отца въ крѣпости, о слѣдствіи и судѣ, я тоже слышалъ мало. Не стану разбирать прочихъ анекдотовъ о немъ и о нѣкоторыхъ изъ моихъ родственниковъ, коими преисполнена книжка, напечатанная въ Лондонѣ подъ именемъ „Записокъ Якушкина“. Они по истинѣ не стоятъ разбора, до такой степени идутъ въ разрѣзъ съ нравственной характеристикой этихъ лицъ, какъ она извѣстна русскому обществу. На анекдотъ о московскомъ съѣздѣ я рѣшился отвѣчать лишь потому, что онъ получаетъ нѣкоторую санкцію отъ имени г. Богдановича.

Но если принять „Записки Якушкина“ за неподдѣльное его произведеніе, то рождается вопросъ: что побудило его написать эти 114 страницъ неточныхъ воспоминаній, часто сплетенъ, лишенныхъ всякой

хронологической точности, и даже всякой хронологіи, и иногда пропитанныхъ ядовитой неправдой? Про И. Д. Якушкина я слышала отзывы, какъ о человѣкѣ честномъ и добромъ въ сущности, но нервномъ, впечатлительномъ, и весьма способномъ къ страстнымъ увлеченіямъ; кромѣ того, какъ о единственномъ изъ декабристовъ, который вынесъ изъ ссылки чувство глубокаго озлобленія. Дѣйствительно, всѣ они, сколько я ихъ видѣла, поражали тѣмъ тономъ полнаго умиротворенія и задѣшевности, воистину христіанской, съ какою они относились къ своему прошлому и къ настоящему. А многіе изъ нихъ пострадали не по винѣ: кто по молодости, кто просто какъ куръ во щи попался! Возьмите, на примѣръ, записки Басаргина! сравните ихъ съ записками Якушкина!

На это одинъ отвѣтъ: кто можетъ знать, какую форму, въ нервномъ и озлобленномъ человѣкѣ, могутъ принять воспоминанія сквозь миражъ 30-ти лѣтъ физическихъ и нравственныхъ страданій?—воображеніе — калейдоскопъ. Болѣе нѣчего возражать на слова человѣка, у котораго львиная, открытая, прямо русско-молодецкая натура М. Ѳ. Орлова (ссылаюсь на всѣхъ, кто его зналъ и прежде и послѣ его изгнанія), является какой-то безпрестанно всѣхъ лобзающей личностію,—то самого Якушкина, при первой встрѣчѣ на большой дорогѣ, то его-же на прощаньи, то Петра Ал. Муханова за еще болѣе нелѣпное, чѣмъ гнусное охотничанье, будто бы на царубійство; и въ довершеніе всего, личностію прибѣгающей къ пошлой уловкѣ, чтобъ по добру по здорову убраться изъ неудобной компаніи, и избѣгнуть негодованія возмущенныхъ отступничествомъ сотоварищей.

Разгадка моего вопроса не заключается-ли наконецъ въ томъ, что повѣствуетъ самъ Якушкинъ нѣсколько строкъ ниже выписки г. Богдановича: „Послѣ чего (т.-е. послѣ совѣщанія, на которомъ Орловъ объявилъ, что выходитъ изъ общества) онъ (Орловъ) ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался, говоритъ Якушкинъ, и только уѣзжая изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ, заѣхалъ проститься съ фонъ-Визиномъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: этотъ человѣкъ никогда мнѣ не проститъ„. На что Якушкинъ въ отвѣтъ пародируетъ письмо Брута къ Цицерону, а М. Ѳ. Орловъ бросается въ его объятія.

Дѣйствительно, Якушкинъ не прощаетъ никому своей неудачи и чтобъ на чемъ-нибудь ее выместить, не останавливается даже и передъ слѣдующей несообразностію: что люди, которые, какъ онъ самъ про себя повѣствуетъ, вызывались посягнуть на жизнь Александра Благословеннаго, лишили себя права, и не могутъ возмущаться сравнительно невинными предложеніями, каковыя онъ приписываетъ М. Ѳ.

Орлову—дѣлать фальшивыя ассигнаціи и завести тайную типографію. А между тѣмъ онъ же, Якушкинъ, обзываетъ эти предложенія „неистовыми“.

Н. М. Орловъ.

26 марта 1872 года.

Примѣчаніе. Настоящую интересную замѣтку мы получили отъ М. И. Богдановича, по просьбѣ котораго здѣсь ее и напечатали. Приводимъ примѣчаніе, сообщенное П. А. Ефремовымъ: «Около 1857 г. покойный гр. М. Н. Муравьевъ лично передавалъ мнѣ собственноручную записку М. Θ. Орлова, чтобы снять съ нея копию для отсылки ее И. Д. Якушкину, близкому родственнику Мих. Николаевича. Эта записка составляла, какъ на ней значилось, дубликатъ съ подавной М. Θ. Орловымъ въ Слѣдственную Коммисію о декабристахъ и излагала степень его участія въ тайномъ обществѣ. Сколько помнится, нѣкоторые обстоятельства были изложены въ запискѣ иначе, нежели какъ переданы они по преданію — Н. М. Орловымъ».

Для всесторонняго разслѣдованія исторической истины и для біографіи столь замѣчательнаго челоуѣка, какимъ былъ энергической и высокопросвѣщенный—М. Θ. Орловъ, желательно, чтобы упоминаемая г. Ефремовымъ копія явилась въ печати. Не сохранилась ли она въ бумагахъ Е. И. Якушкина?—

Ред.

По поводу изданія писемъ князя Кутузова-Смоленскаго.

Въ № 97-мъ газеты „Русскій Міръ“ помѣщено заявленіе, въ которомъ генераль-маіоръ Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой призналъ почему-то нужнымъ объявить, что онъ, какъ внукъ кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, унаслѣдовавшій часть его фамилии, считаетъ себя вправѣ высказаться противъ оглашенія семейныхъ бумагъ знаменитаго полководца.

Вотъ сущность заявленія г. Кутузова-Толстаго. Чѣмъ оно вызвано, что собой знаменуетъ — признаемся — не понимаемъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ настоящее заявленіе само по себѣ составляетъ уже довольно интересную черту нравовъ нашего времени, то на ней нельзя не остановиться.

Вотъ уже третій годъ въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1870—1872 гг.), между многими другими записками, воспоминаніями и матеріалами, относящимися къ новѣйшей отечественной исторіи, помѣщается собраніе бумагъ князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Бумаги эти составляютъ драгоцѣнное достояніе его правнука, Θ. К. Опочинина, къ которому перешли отъ прабабки, княгини Е. И. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской, и отъ родного отца его, Константина Ѳедоровича Опочинина.

Г. Опочининъ свято чтитъ память своего прадѣда; въ его библио-

тежѣ соединено значительное число подлинныхъ бумагъ, знакомящихъ съ разностороннею дѣятельностью кн. Смоленскаго и множество книгъ и вещей, принадлежавшихъ Михаилу Илларионовичу и его сопровождавшихъ въ дипломатическихъ поѣздкахъ, на поля битвъ и проч. Зная, что память о кн. Кутузовѣ дорога всей Россіи, г. Опочининъ не счелъ себя вправѣ держать подъ спудомъ бумаги, которыя проливаютъ яркій и притомъ самый благопріятный свѣтъ на нравственную личность великаго вождя. Вотъ почему, обнародовавъ на страницахъ „Русской Старины“ письма къ кн. Кутузову императрицъ Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны, императоровъ Павла и Александра Павловича, затѣмъ письма австрійскаго императора Франца I, г. Опочининъ напечаталъ въ нашемъ же изданіи обширное собраніе писемъ князя Кутузова къ его супругѣ. Если бы эти послѣдніе документы были исключительно семейнаго характера, то и тогда появленіе ихъ должно было бы вызвать только одну признательность.....

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь великихъ людей есть полное достояніе не одного ихъ потомства, а всего отечества. Вотъ почему въ Англіи, Германіи, Франціи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ издавна обнародываютъ мельчайшія свѣдѣнія о знаменитыхъ народныхъ дѣятеляхъ; при этомъ въ печати воспроизводятся данныя для жизнеописаній этихъ людей не только изъ круга государственной или общественной дѣятельности, но и изъ частной ихъ жизни.....

Мы знаемъ, напр., въ кн. Кутузовѣ умнаго придворнаго, весьма искуснаго дипломата и замѣчательнаго полководца. Проигралъ ли бы онъ отъ того, чтобы мы, въ дополненіе ко всему этому, узнали въ немъ преданнаго супруга и въ высшей степени нѣжнаго, заботливаго, любящаго отца? А такимъ-то именно мы встрѣтили его въ письмахъ къ женѣ. Но письма кн. Кутузова далеко не ограничиваются чертами чисто семейными. Ихъ даже довольно мало, такъ какъ мы, по желанію владѣльца бумагъ, при печатаніи этихъ документовъ, выпустили весьма много подробностей, касающихся семейныхъ дѣлъ, сохранивъ лишь тѣ, которыя обрисовываютъ характеръ князя, либо знакомятъ съ его нуждами, такъ какъ послѣднія не могли не вліять на складъ его жизни. Затѣмъ, въ этихъ безыскусственныхъ, наскоро набросанныхъ грамоткахъ, нерѣдко съ бивуака, съ полей битвъ, подъ гулъ пушечной пальбы или послѣ утомительнаго похода, заключается множество драгоцѣнныхъ подробностей вполне историческаго значенія: въ этомъ отношеніи довольно указать на подробное описаніе штурма Измаила 1790 г., подробныя извѣстія о пребываніи посла въ Константинополь (1793 г.), о кампаніи 1805 г., о военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ 1808 и 1811 гг., замѣтки о битвахъ и походахъ 1812 и

1813 г., отзывы о фельдмаршалахъ Каменскомъ и Прозоровскомъ, также о подвижникахъ отечественной кампаніи, о кн. Кудашевѣ, Фигнерѣ, Бенигсенѣ, Барклай-де-Толли и др., въ особенности множество чрезвычайной важности и интереса замѣтокъ и сужденій о Наполеонѣ и проч., и проч. И все это тѣмъ болѣе важно, что писано къ самому близкому, любезному другу — его женѣ, писано не для свѣта, слѣдовательно, вполне искренно. Въ этихъ письмахъ мы видимъ кн. Кутузова, какъ онъ есть, вполне живымъ человекомъ и преисполняемымъ къ нему, если это возможно, еще бѣльшимъ уваженіемъ.

И въ этихъ-то письмахъ г. Кутузовъ-Толстой видитъ что-то хорошее, что-то позорящее имя его дѣда и сердится, зачѣмъ не глѣютъ эти документы взаперти, зачѣмъ появляются они на свѣтъ Божій! Или г. Кутузовъ-Толстой не читаль этихъ документовъ, или совершенно ихъ не поняль.

Но недовольный письмами, г. Кутузовъ-Толстой еще болѣе негодуеть, зачѣмъ они обставлены примѣчаніями „посторонняго лица“. По этому поводу мы должны объяснить слѣдующее: печатая на страницахъ „Русской Старины“ тѣ или другіе историческіе матеріалы, мы, независимо отъ объясненій, какія иногда предпосылаемъ имъ отъ себя, нерѣдко, какъ это читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, замѣтили, обставляемъ бумаги примѣчаніями специалистовъ. Слѣдуя этому правилу, мы сочли не лишнимъ сообщить письма кн. Кутузова (въ корректурѣ), И. П. Липранди, одному изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ славной кампаніи 1812 г., и неутомимому изслѣдователю этой великой войны. Г-ну Липранди принадлежать обширные историко-критическіе труды объ этомъ времени и имъ же собрана единственная въ своемъ родѣ коллекція всего, что когда-либо было напечатано въ Россіи на всѣхъ языкахъ объ отечественной войнѣ.

Понятно, что замѣтки такого специалиста имѣютъ интересъ и значеніе. Но, помѣстивъ ихъ, мы не брали на себя отвѣтственности за нѣкоторыя сужденія г. Липранди, съ которыми многіе, а въ томъ числѣ и мы, можемъ не соглашаться, таково, напримѣръ, его мнѣніе относительно дѣйствій подъ Тарутинымъ и Березиной (см. стр. 654, 656); но вопросы, которыхъ коснулся г. Липранди, издавна спорные въ нашей военно-исторической литературѣ; тѣмъ не менѣе, каждому, кто только знакомъ съ ней, хорошо извѣстно, что слава кн. Кутузова слишкомъ прочна, чтобъ ее могла колебать разность взглядовъ на тѣ или другія частности въ великой войнѣ 1812 г. Во всякомъ же случаѣ можемъ положительно увѣрить г. Кутузова-Толстаго, что слава князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго такъ блестяща, такъ громка, что ни мало не нуждается въ его защитѣ.

Ред.

50

Къ исторіи русской цензуры.

Министерство военное. Департаментъ Инспекторскій. 5 мая 1848 г., № 371. Господину предсѣдателю комитета высочайше учрежденнаго въ 18 день августа 1814 года.

Для высшаго надзора за духомъ и направленіемъ печатаемыхъ въ Россіи произведеній, государю императору благоугодно было учредить комитетъ, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина.

Полученное нынѣ отношеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина № 29, въ которомъ выражена высочайшая государя императора воля: какого рода политическія статьи не должны быть помѣщаемы въ газетахъ, имѣю честь препроводить при семъ, въ копіи, къ вашему высокопревосходительству, для надлежащаго исполненія, въ дополненіе отношенія моего, отъ 20 минувшаго апрѣля № 192.

Предсѣдателю военно-цензурнаго комитета объ этомъ сообщено. Военный министръ князь Чернышевъ.

„Милостивый государь князь Александръ Ивановичъ! Государь императоръ изволилъ замѣтить, что если настоящія событія на западѣ Европы возбуждаютъ, во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики, одно справедливое омерзеніе, то необходимо всячески охранять и низшіе наши классы отъ распространенія между ними круга идей, нынѣ благодаря Богу, совершенно еще имъ чуждыхъ, а въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, что русскія газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и на гостининомъ дворѣ, и въ трактирахъ и въ лакейскихъ, рассыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято какъ законъ, потому уже одному, что оно печатное. Въ такомъ смыслѣ нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни какой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, изъ коихъ самая большая часть стоитъ на низшей степени образованія и общественной лѣстницы, знали наприимѣръ, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, или читали тѣ комунистскія выходки, тѣ опасныя лжеумствованія, которыми теперь такъ обилуютъ заграничные журналы?

Между тѣмъ его императорское величество изволилъ усмотрѣть, что въ политической части нашихъ газетъ являются иногда такія статьи, которыя, хотя онѣ и не содержатъ въ себѣ ничего прямо противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, лучше и осторожнѣе было бы, при сихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени, стоящихъ выше силы общаго закона, не оглашать на русскомъ языкѣ.

Такъ напримѣръ, въ 84 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (17 апрѣля) переведено, изъ французскихъ журналовъ, письмо гдѣ разсказывается разговоръ одного студента съ комиссаромъ временнаго правительства и, между прочимъ, помѣщены слѣдующія слова послѣдняго: „Пусть банкирскіе дома падаютъ; пусть погибаетъ торговля; тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе достигнемъ мы своей цѣли. Покуда останутся богатые, надобно будетъ стараться раззорить ихъ; теперь богачи—горсть людей безъ энергіи, которые страдаютъ и ничего не дѣлаютъ; ихъ нечего слушать. Да развѣ вы думаете, что работники не страдаютъ также какъ и богачи? Нѣтъ, потому что все у нихъ въ рукахъ и если бы они страдали, то страдали бы не долго“. Такъ и въ 82 № „Русскаго Инвалида“ (16 апрѣля), при описаніи Шлезвигъ Гольштинскаго возстанія противъ Даніи, напечатано: „Доказательства храбрости, представленныя студентами принесли бы честь самымъ старымъ солдатамъ. Юноши, никогда не обращавшіеся съ оружіемъ, дрались какъ львы. Вокругъ нихъ падали товарищи, скопленные картечью датчанъ; но они не отступали, пока не равенство силъ не заставило отложить въ сторону всякую мысль объ удержаніи позиціи. Храбрость студентовъ, по истинѣ, пристыдила кильскихъ егерей“. По мнѣнію его величества статьи въ родѣ первой могутъ способствовать постепенному вторженію и въ наше простонародіе того губительнаго образа мыслей, который обтекаетъ теперь Францію и Германію; а хвалебные возгласы студентамъ, въ родѣ помѣщенныхъ въ „Инвалидѣ“, могутъ опасно воспалить страсти и ложное любочестіе и въ нашемъ юношествѣ, хотя воспитываемомъ въ другихъ правилахъ, но не болѣе опытномъ и разсудительномъ нежели вездѣ. Отсюда ясно, какъ желательно бы было, чтобъ подобные случаи не могли уже болѣе повторяться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ, обозрѣвая подлежащій вопросъ со всѣхъ его сторонъ, убѣдиться изволилъ, что едва ли возможно предугадать какія нибудь общія, положительныя правила или постоянную раму для политическихъ статей въ Русскихъ газетахъ: ибо хотя главный вредъ заключался бы, конечно, въ передачѣ читателямъ такихъ разсужденій, или подробностей, которыя даютъ, или могутъ дать поводъ къ превратнымъ идеямъ, или опаснымъ примѣненіямъ, но иногда и простое сообщеніе голыхъ фактовъ (напримѣръ упомянутый выше о тронѣ), даже еслибъ изображать ихъ и въ яркихъ краскахъ того омерзенія, коего они заслуживаютъ, оказывалось бы не менѣе вреднымъ и предосудительнымъ. Вслѣдствіе сего его императорское величество изволилъ полагать, что здѣсь можно и должно ожидать всего лишь отъ собственной прозорливости, отъ

высшаго, такъ сказать, такта тѣхъ лицъ, коимъ предоставлено предварительное одобреніе политической части Русскихъ газетъ, прозорливость и тактъ которыхъ, конечно, невозможно и усомниться, когда лица сіи вполнѣ ознакомлены будутъ съ образомъ возрѣнія на сей важный предметъ его величества и увидятъ при томъ приведенные выше примѣры такихъ статей, которыя признаются предосудительными.

Для достиженія сей цѣли государь императоръ, имѣя въ виду, что цензура политическихъ въ газетахъ статей сосредоточивается въ главномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, высочайше повелѣтъ мнѣ соизвоилъ: сообщить г. государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ объ изложенныхъ здѣсь мысляхъ его величества, для поставленія ихъ въ виду тѣхъ лицъ, на коихъ упомянутая цензура возложена, съ тѣмъ ꙗкобы они имѣли впредь самое строгое, въ уязвляемомъ нынѣ смыслѣ, наблюденіе.

О сей высочайшей волѣ объявленной мною съ симъ вмѣстѣ графу Нессельроде, государю императору благоугодно было повелѣтъ мнѣ увѣдомить и ваше сіятельство, для обращенія особаго на сей предметъ вниманія.

Исполняя симъ изъясненную монаршую волю, прошу васъ милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности Дмитрій Бутурлинъ.

Вѣрно: Управляющій канцелярією старшій адъютантъ подполковникъ Соболевскій.

25-го апрѣля 1848 г.

Сообщ. А. М. Княжевичъ.

